

Когда нас накроет июньской волной  
и компас укажет на лето,  
садись на моторку и синей стрелой  
лети, обогнав скорость света.

Храни мои мысли, рисуй мои сны  
в тетрадке с пустыми полями.  
Мы юные боги, и нам не страшны  
две тысячи лет за плечами.

Потёртые джинсы, забытый куплет  
и вверх устремлённые плечи.  
Нам небо откроет круженье планет.  
Мы были.  
Мы будем.  
Мы вечны.

Лови мои ритмы и бешеный пульс,  
включи позывные сирены.  
Я лондонским ливнем без спроса прольюсь  
на пыльные, серые стены.

Не думай о крае, но верь в горизонт,  
который нас видит снаружи.  
У лета нет правил, запретов и зон,  
здесь каждый влюблён и разбужен.

Латунное солнце взойдёт на карниз  
и бросится встречным под ноги.  
Кто верит в июнь, тот прекрасен и чист.  
Мы боги...  
Мы юные боги.

\* \* \*

Речка вышла за грани русла  
после плена и власти льдов, –  
так меня накрывает чувство  
непримирения берегов.

У весны всё предельно просто:  
завоёвывай и цвети  
каждым сантиметровым ростом,  
в каждой трещине на пути.

Я тебе до психоза рада, –  
пораствай бузиной внутри!  
Из любимых персон – в нон грата  
переходят на раз-два-три.

Только ты оставайся. Точка.  
Буду сдержана и тиха.  
Я молчу тобой в каждой строчке  
не написанного стиха.

Я хореем тебя не выдам.  
Вместо текста – сплошной пробел.  
Только четверостишие с видом  
на собрания ЖЗЛ.

Не уйди от меня в архивы.  
Отпусти свои берега...  
Мы упорно и дерзко живы,  
чтобы вместе взвеснить снега.

\* \* \*

Просто кому-то всегда не хватает стула:  
это такая игра, и надо всё делать быстро.  
Вот Маяковский смотрит в воронку дула,  
и тишину преломляет финальный выстрел.

Это игра, но правила очень строги:  
«море волнуется раз», а потом – замри.  
Вот потолок деревянный, стена, пороги...  
Кто погасил над Елабугой фонари?

Дети рисуют мелкими смешные рожи,  
крестики-нолики или простые слова.  
Вот уравнение с неизвестным решил Серёжа,  
всем доказав: «эта жизнь никому не нова».

Прячься или тебя найдут. Туки-туки.  
Выход всегда расположен в конце тупика.  
Каждый Поэт уходит, оставив звуки  
и черновые записки, в которых его ДНК.